

В. Г. Белинский

Московский театр

Виссарион Григорьевич Белинский

Московский театр

«Кто не любит театра, кто не видит в нем одного из живейших наслаждений жизни, чье сердце не волнуется сладостным, трепетным предчувствием предстоящего удовольствия при объявлении о бенефисе знаменитого артиста или о постановке на сцену произведения великого поэта? На этот вопрос можно смело отвечать: всякий и у всякого, кроме невежд и тех грубых, черствых душ, недоступных для впечатлений искусства, для которых жизнь есть непрерывный ряд счетов, расчетов и обедов...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Московский театр**

Кто не любит театра, кто не видит в нем одного из живейших наслаждений жизни, чье сердце не волнуется сладостным, трепетным предчувствием предстоящего удовольствия при объявлении о бенефисе знаменитого артиста или о постановке на сцену произведения великого поэта? На этот вопрос можно смело отвечать: всякий и у всякого, кроме невежд и тех грубых, черствых душ, недоступных для впечатлений искусства, для которых жизнь есть непрерывный ряд счетов, расчетов и обедов. Посмотрите, какое движение на этой прекрасной площади, у этого величественно-грациозного дома, похожего на греческий храм: {1} к нему тянется ряд карет и дрожек всех родов, включая сюда и кулачки смиренных *ванек*; {2} к нему приливают толпы пешеходов. Тут все полы, все возрасты, все сословия. Один спешит занять свои кресла в первом ряду, а другой поскорее захватить получше местечко на скромных скамеечках; тут идет великолепное семейство, состоящее из трех или четырех человек, занять свою ложу в бельэтаже, а рядом с ним идет целая толпа плащей и манто, шляп и шляпок «всех воз-

растов, считая от тридцати до двух годов»{3}, занять свою ложу в третьем ряду. Это обыкновенно чиновническое или купеческое семейство, а иногда и два, если не три: они сложились и взяли ложу. А вот дюжий работник, мастеровой, гризетка жмутся в толпе и толкают друг друга, чтобы прежде других получить билет в раек за свой трудовой, кровный гривенник. Все они будут в разных местах, но всех их привлек сюда один интерес, и все они будут видеть и слышать одно, и всякий по своему насладится этим одним.

Давно ли – этому прошло с небольшим разве 50 лет, как Сумароков горько жаловался, в предисловии к своему «Димитрию Самозванцу», на невежественность публики его времени. «Вы, путешественники, – восклицает он, – бывшие в Париже и в Лондоне, скажите: грызут ли там во время представления драмы орехи; и когда представление в пущем жаре своем, секут ли поссорившихся между собою пьяных кучеров ко тревоге всего партера, лож и театра?»{4} – Прочтя эту наивную жалобу человека, которого некоторые помнят еще в лицо, как не скажешь с Грибоедовым:

Свежо предание, а верится с трудом!{5}

Мало того, что через полвека после этого блаженного времени не только столичная, но даже публика последнего уездного городка чужда всякого подобного упрека – она уже понимает и любит Шекспира, и драмы его ставит выше всех произведений драматического искусства. Теперешняя публика знает о Сумарокове по одной наслышке или по воспоминанию и глубоко заснула бы от прекрасных «трагедий» Озерова, так глубоко, что только одно магическое имя Шекспира заставило бы ее проснуться. Какой прогресс!

В России любят театр, любят страстно. Заезжая труппа актеров, один приезжий столичный актер может пробудить сильное движение и в умах, и в сердцах, и в карманах губернского или уездного города. Театр имеет для нашего общества какую-то непобедимую, фантастическую прелесть. И между тем слышны беспрестанные жалобы на холодность и равнодушие нашей публики к театру. Отчего же это противоречие? Кто прав, кто виноват?

У нас есть таланты, и таланты блестящие – об этом никто не спорит; но число этих талантов слишком не так велико, чтоб их доставало на каждую пьесу. Обыкновенно бывает так, что из десяти действующих лиц – три, много четыре таланта и шесть решительных бездарностей. От этого нет никакой общности в игре, а без общности – что за очарование? Без нее представление – кукольная комедия.

Вот причина холодности нашей публики, и причина глубоко основательная.

Но точно ли дело в таком виде, как оно представляется нам? Посмотрим.

Таланты везде редки; природа скупа на них. Невозможно требовать, чтобы такая огромная труппа, как труппа московского театра, была сформирована из одних талантов. Ни один театр в Европе не может похвалиться этим, потому что это не в природе вещей. А между тем общность и целостность игры есть неотъемлемая принадлежность всякого порядочного иностранного театра. Недостаток дарований должен заменяться умом, образованностью, изучением. Есть такие актеры, которые ни одной роли не сыграют художественно.

но и в то же время не испортят никакой роли, за какую ни возьмутся. Такие актеры – дело важное, истинное сокровище для всякого театра. Они сами не блещут, но дают возможность блеснуть другим. Без них невозможно очарование истинности представления.

Много ли у нас истинных дарований и есть ли у нас актеры, хорошо играющие, не имея таланта?

Мы не будем решать этого вопроса, а представим здесь один факт, из которого можно вывести много прекрасных заключений.

Мая 5, в бенефис гг. Козловского, Щепкина и Соколова, давалась драма Шиллера «Коварство и любовь». Драма эта есть одно из самых прекрасных произведений Шиллера; в ней детскости гораздо больше, нежели в «Разбойниках». Художественности и творчества – нисколько, огня отрицать нельзя; но так как этот огонь вытек не из творческого одушевления объективным созерцанием жизни, а из ратования против действительности, под знаменем нравственной точки зрения, то он и похож на фейерверочный огонь: много шуму и треску и мало толку. На идею

пьесы Шиллера навел «Отелло» Шекспира; но что у последнего основано на непреложных законах необходимости, то у первого совершенно произвольно. Почему *идеальная* Луиза решается *пожертвовать* своим честным именем и признать себя любовницей старого развратника и шута, почему она так упорно избегает объяснения с человеком, которого любит, с которым у ней одна душа, одно сердце, – все это извольте понимать как вам угодно. Завязка вертится на пустом недоразумении. А характеры? – Луиза – *идеальная* кухарка, сентиментальная фразерка; Фердинанд – маленький Отелло с эполетами и шпагою. Человек нового времени, глубокий и высокий германец – такой человек не отравит ядом подобного себе человека, тем более девушку, которую он любит. Если она недостойна его чувства, если она гнусно наругалась над ним – он отворотится от нее, с разбитым сердцем, с погибшею надеждою на счастье жизни, но не станет мстить и не сделается палачом. Отелло был африканец и жил давно, в то время, когда люди еще не *идеальничали*. Но Шиллеру это нужно было для эффекта, без которого

его драма сбилась бы на так называемую *мещанскую комедию*: поссорились, наговорили громких фраз, да – «веселым пирком и за свадебку».{7} Кроме того, это ему было нужно и для вящего наказания президента за его злодеяния, потому что этот президент злодей вроде Франца Моора: {8} дьявол со всем адским причетом не годится ему в ученики. Страх такой, что мочи нет! Леди Мильфорт, конечно, сноснее идеальной Луизы, но тоже «не скажет слова просто – всё с ужимкой»{9}. Только отец и мать Луизы и Вурм похожи на людей и носят на себе признаки действительности. Но обратимся к московскому театру.

Стечение публики было большое: на афишке стояло имя г. Каратыгина{10}, сверх того, г-жа Репина дебютировала в роли Луизы. Публика встретила г-жу Репину с изъявлением живейшего восторга: несколько минут продолжались ее *единодушные* рукоплескания. Г-н Каратыгин был также встречен рукоплесканиями, хотя и далеко не единодушными. Он играл просто, благородно, с достоинством, а потому и – прекрасно. Ум и ловкость могут много делать, даже заменять, в глазах

толпы, талант. То же самое можно сказать и о г-же Репиной, но только в отношении к *одному этому* представлению, потому что роль Луизы не может одушевить артистки с истинным и глубоким дарованием, какою мы почитаем г-жу Репину. Мы желали бы ее видеть в роли Юлии Шекспира: в этой роли есть чем одушевиться и есть где показать свое дарование. Об этом же представлении мы можем сказать только то, что г-жа Репина беспрестанно оспаривала у г. Каратыгина благосклонность публики.

По это все еще не то, что мы хотели сказать: факт вот в чем:

Г-н Усачев, тот самый актер, который в драме на московской сцене занимает место какого-то статиста и который в трагических ролях точно возбуждает сострадание, только не к лицу, которое представляет, а к самому себе, — этот самый г. Усачев *превосходно* сыграл роль Вурма, сыграл ее, как истинный художник.

Г-жа Львова-Синецкая, в роли леди Мильфорт, как-то забывшись, что она играет в трагедии, сошла с трагического котурна, загово-

рила живым, естественным человеческим языком – и публика с жаром аплодировала ей, наравне с г-жою Репиною и г. Каратыгиным.

Г-н Волков, известный своею дрожуще-певучею дикциею, играя роль Миллера [1], в третьем акте забыл, что он играет «царя Эдипа», и заговорил живым человеческим языком – и публика аплодировала ему с жаром, наравне с г-жою Репиною и г. Каратыгиным.

Всех лучше играл г. Усачев, но ему не аплодировали; всех хуже играл г. Сосницкий [2], но ему аплодировали.

Но несправедливость публики видна была только в отношении к г. Усачеву: рукоплескания с громким смехом, изъяслявшим полное удовольствие, неслись маршалу сверху...

Итак, эти люди, которые выставляются образцами бездарности, нашли же в себе и силы и таланта, чтобы не только быть сносными в продолжение четырех часов и не портить своих ролей, но даже и восхищать публику в некоторых местах своих ролей.

Это факт!

Уважения к своему искусству, своему зва-

нию, внимания к себе, изучения, постоянно-го, строгого изучения – вот чего недостает большей части наших артистов.

Но вот и еще факт.

Кажется, 17 мая в театре Петровского парка давали «Ревизора».

Какое очаровательное гулянье этот Петровский парк! Нет лучшего гулянья ни в Москве, ни в ее окрестностях! Эти дороги, по которым можно ездить, окаймленные дорожками, по которым можно только ходить, эти поляны, луга – зеленые острова с купами деревьев, пруды, красивые, живописные домики, строение воксала, этот театр-игрушка, этот фантастический Петровский замок, полужакрытый деревьями{11}, эти толпы народа, то волнующиеся по дорожкам, то разбросанные по лугу, отдельными обществами, под деревьями, на столиках пьющие чай – какая очаровательная, одушевленная, полная жизни картина! И когда вечер тихо спустится с сурового, хотя и чистого неба, и все начнет становиться тише, торжественнее, неопределеннее, березы сильнее задышат своим ароматом, разноцветные шляпки, шали, манто, с

прелестнейшими головками, чудеснейшими личиками, сольются во что-то неопределенное и целое – какая фантастическая, волшебная картина! Да, Петровский парк – лучшее гулянье Москвы; нельзя было сделать московской публике лучшего подарка, как превратить это обыкновенное место в какой-то эдем!..

Тут соединено все – и природа и искусство, и деревня и город: вы можете дышать свежим воздухом, вдыхать в себя обаятельный запах весенней зелени, словом, наслаждаться природой и деревней и вместе с тем пользоваться всем, что только может доставить вам столичный город. Это гулянье европейское, оно отличается характером общности. Тут все сословия, все общества, кроме того, для которого существует Марьино роццо. И оно лучше: наслаждаться можно только не мешая друг другу...

Как хорошо, погулявши в парке, пойти в этот миниатюрный театр, посмотреть на эту маленькую сцену, которая вся видна и с которой все слышно, взглянуть на эту небольшую, сжатую и пеструю публику! Первый ряд кресел иногда занимается дамами, и это придает

особенно очаровательный и приятный оттенок маленькому театру.

Как приятно в антрактах выходить на крыльцо театра, наблюдая за вечереющим днем и за этою живою картиною, которая через каждые полчаса принимает новый характер! Как приятно из освещенного амфитеатра, по окончании спектакля, выйти на свежий воздух, когда уже темно, всё разъезжается, разбродится и, как тени на полях Елисейских, мелькают толпы в сумраке...

Итак, 17 мая мы пошли смотреть «Ревизора». Городничего играл Щепкин, в первый раз по приезде из Петербурга, в котором он оставил по себе живую память{12}. Роль городничего в Москве была очень опошлена во время его отсутствия, и тем нетерпеливее желали мы увидеть ее снова, выполненную великим художником. И как он выполнил ее! Нет, никогда еще не выполнял ее так! Этот первый акт, который, всегда как-то не удавался ему, был у него на этот раз чудом совершенства. Какое одушевление, какая простота, естественность, изящество! Все так верно, глубоко истинно – и ничего грубого, отвратительного;

напротив, все так достолюбезно, мило! Актер понял поэта: оба они не хотят делать ни карикатуры, ни сатиры, ни даже эпиграммы; но хотят показать явление действительной жизни, явление характеристическое, типическое.

Но что Щепкин был превосходен – это в порядке вещей; удивительно то, что вся пьеса идет прекрасно. О гг. Орлове и Степанове мы уже не говорим, не желая повторять одного и того же: чудо совершенства, да и только! Г-н Шуйский, играющий Добчинского, – превосходен. Кислое лицо, вид какого-то добродушного идиотства, провинциальность природы, какие он умеет принимать на себя, все это выше всяких похвал. Г-н Никифоров играет Бобчинского немного с фарсами, но по крайней мере не портит роли. Г-н Соколов, играющий купца Абдулина, – чудесен. Слесарша – живая природа до *nes plus ultra* [3]. Мишка, трактирный слуга, гости городничего – все это прелесть. Даже Анна Андревна наконец вошла в свою роль, как должно; также и Марья Антоновна; словом, кроме г. Ленского, играющего Хлестакова несносно дурно, все хороши, и в ходе пьесы удивительная общ-

ность, целостность, единство и жизнь.

Мы уже имели случай заметить, что причина успешного хода этой пьесы заключается в самой этой пьесе{13}. После ее всего лучше идет «Горе от ума». Оно так и должно быть: драматические поэты творят актеров. Нам нужно иметь свою комедию, и тогда у нас будет свой театр. Подражательность ввела к нам идею и потребность театра, а самобытная поэзия должна создать театр. Какие надежды, какие богатые надежды сосредоточены на Гоголе! Его творческого пера достаточно для создания национального театра. Это доказывается необычайным успехом «Ревизора»! Какое глубокое, гениальное создание! И что может создать человек, который написал такое произведение только для пробы пера!..

Сноски

1

Которую г. Потанчиков выполняет не только умно, но иногда с истинным художественным достоинством.

[^^^]

2

Г-н Сосницкий в роли маршала напомнил собою г. Баранова: он играл не вельможу, не придворного, а какого-то шута самого пошло-го тона.

[^^^]

крайних пределов (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Имеется в виду здание Большого театра на Петровской площади (ныне площадь Свердлова), построенное в 1825 г. архитектором О. И. Бове с использованием проекта А. А. Михайлова.

[^^^]

2

«Ваньками» называли дешевых московских извозчиков, которые в отличие от биржевых извозчиков не стояли на бирже, а поджидали седоков на улицах.

[^^^]

3

Цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. пятая, строфа XXVI).

[^^^]

4

«Дмитрий Самозванец» Сумарокова вышел из печати в Петербурге в 1771 г. с предисловием автора, которое Белинский здесь частично цитирует.

[^^^]

5

Слова Чацкого из «Горя от ума», д. II, явл. 2.

[^^^]

6

В этом ироническом определении Белинского – его отрицательное отношение к пьесе Шиллера. «Коварство и любовь» относится к жанру «мещанской драмы» – жанру, возникшему и получившему широкое распространение в XVIII в. в странах Европы (в Германии он связан прежде всего с драматургией Г. Лессинга, Я. Ленца, Г.-Л. Вагнера). Положительными героями, поборниками добродетели и гуманности в этих пьесах обычно выступали представители третьего сословия.

[^^^]

7

Из «Сказки о царе Берендее...» Жуковского (неточно).

[^^^]

8

Герой трагедии Шиллера «Разбойники».

[^^^]

9

Неточно цитируются слова Фамусова из «Горя от ума» Грибоедова, д. II, явл. 5.

[^^^]

10

Петербургские актеры В. А. Каратыгин и И. И. Сосницкий, гастролировавшие в Москве с 12 апреля по 8 мая 1838 г., играли в составе московской труппы.

[^^^]

11

Петровский замок – царский путевой дворец при въезде в Москву. Построен в 1775–1782 гг. М. Ф. Казаковым. Вокруг него в 1828–1829 гг. был разбит парк, в котором позже сооружен летний театр и «воксал» – здание с читальней, танцевальным залом и ресторацией.

[^^^]

12

В апреле – мае Щепкин играл на сцене петербургского Александрийского театра.

[^^^]

13

В рецензии на комедию-водевиль Н. Соколова «Невеста под замком» Белинский объяснял успешную игру в «Ревизоре» тем, что здесь «актеры в сфере своей, русской жизни» (Белинский, АН СССР, т. II, с. 362).

[^^^]

[^^^]